

Применение английского языка в северном дискурсе о развитии и его влияние на формирование глобальной повестки дня устойчивого развития на период после 2015 г.¹

М.С. Уильямс

Уильямс С. Марк – доктор философии, антрополог, профессор английского языка, Школа иностранных языков, Университет Цзяньхэнь; 8 Sanjiaohu Road, Hanyang – WEDZ, Wuhan, 430056, P.R. China; E-mail: markswilliams59@hotmail.com

Когда в середине 1940-х годов Вторая мировая война завершилась и государства антифашистской коалиции заняли главенствующее положение, США и Великобритания начали реализовывать планы послевоенного восстановления Европы, а также стали создавать то, что должно было стать основой северного дискурса о развитии. Планирование, обсуждение и внедрение послевоенной сети развития осуществлялось на английском языке и с использованием английской философии. Основные институты восстановления и развития, которые были созданы в этот период, например Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк (МБРР), транслировали свои программы и цели практически исключительно на английском языке и продолжают делать это и в настоящее время. С тех пор как около 70 лет назад, во время послевоенного восстановления, первоначально появился северный дискурс о развитии, первичное постулирование, администрирование, реализация программ и коммуникация этого дискурса проводились и проводятся на английском языке и являются процессами английской философии. Это представляет собой основную тему, которая вновь и вновь затрагивается в литературе по этой теме.

Однако действительно ли существуют проблемы с лингва франка при широких коммуникациях? Такой распространенный язык может выполнять необходимую инструментальную и практическую функции, минимизируя недопонимание среди культур. Тем не менее возникают два важных вопроса: 1) работает ли человеческий язык в таком культурном вакууме? и 2) как использование английского языка в планировании и внедрении будет влиять на глобальную повестку дня устойчивого развития после 2015 г.? Некоторые практики, которые занимаются проблемами развития, изучали эти вопросы, в особенности на примерах формальных дискуссий и форумов в течение последних нескольких лет. Данная работа представляет собой обзор литературы и продолжает исследования, в которых рассматривается влияние использования английского языка на формирование глобальной повестки дня устойчивого развития на период после 2015 г.

Ключевые слова: северный дискурс, английский язык, дискурс, практики реализации программ развития, устойчивое развитие

Введение

Когда Вторая мировая война завершилась, были подготовлены к внедрению некоторые планы по реконструкции и развитию Европы в новой послевоенной глобальной среде.

¹ Перевод выполнен м.н.с. Института международных организаций и международного сотрудничества НИУ ВШЭ, н.с. Лаборатории исследований корпоративных стратегий и поведения фирм РАНХиГС, н.с. Центра отраслевых исследований ИСКРАН Т.А. Ланышиной.

За годы до этого данные планы тщательно координировались США и Великобританией², при этом еще один союзник — СССР — не вовлекался в этот дискурс. Казалось, после окончания войны обещание президента Вильсона, сделанное еще во время Первой мировой войны, наконец-то будет выполнено: будет создан мир, безопасный для демократии. По мере поляризации мира, в результате которой США, Великобритания и прочие европейские страны (первый мир) оказались на одной стороне, СССР и будущие страны Варшавского договора (второй мир) — на другой, а бывшие колонии, получившие независимость в конце войны (третий мир), осознали, что им придется занять позицию либо первого, либо второго мира. Выбор позиции первого мира (который в современной литературе именуется «Севером») означал серьезное принятие идей капиталистической экономики и (в конечном итоге) неолиберализма. Если страна третьего мира (такие страны сейчас именуются «Югом») выбирала позицию Севера для того, чтобы использовать преимущества Бреттон-Вудских учреждений, то эта страна-реципиент вскоре узнавала о всех дополнительных условиях такого союза [Willis, 2011, p. 16], в числе которых были и коммуникации на *лингва франка* Севера: английском языке. В последние 20–25 лет, когда СССР распался после падения Берлинской стены, даже бывшие страны второго мира пытались позаимствовать некоторые атрибуты неолиберализма и «глобализации», чтобы получить помощь от Севера.

Избранная литература

Отметим, что основным ограничением данного исследования является то, что оно имеет скорее доказательный, чем предписывающий характер. Учитывая это, обзор избранной литературы по новой теме имеет ответвление, охватывающее дискурс после 2015 г. «Тематические обзоры литературы создаются по определенной теме или проблеме, а не по временному отрезку. Тем не менее ход времени все же может быть важным фактором в тематических обзорах» [UNC, 2012, p. 5]. «Ход времени» важен, поскольку северный дискурс возник около 70 лет назад в период послевоенного восстановления (для сравнения см.: [Arce, Long, 2000, p. 3]). Более того, первоначальное постулирование, администрирование, выполнение программ и коммуникация этого основного дискурса были и остаются англоязычными процессами. Это является основной темой, которая появляется в избранной литературе снова и снова. В связи с этим может возникнуть вопрос: действительно ли существует проблема с языком межнационального общения в широкомасштабных коммуникациях — в данном случае с английским языком? Считается, что такой распространенный язык может выполнять необходимую инструментальную и практическую функции [Bieberly, 2008, p. 28; Modiano, 2001, p. 344], минимизируя недопонимание среди культур и ликвидируя потребность

² «В 1941 г. премьер-министр Черчилль провел тайную встречу с президентом Франклином Рузвельтом для координации военной стратегии и планирования обеспечения порядка. 24 августа 1941 г. он заявил в Палате общин: “...Британская империя и США... к счастью для прогресса человечества, разговаривают на одном языке и имеют очень схожее мышление...”» [Morton 1943, p. 152] (цит. по: [Phillipson, 2008, p. 2]). Позже «Бреттон-Вудские учреждения, основанные в 1944 г., начали реализовывать миссии, которые весьма сильно отличались от их современного участия в отношениях Север — Юг. МВФ был задуман Джоном Мейнардом Кейнсом (Великобритания) и Гарри Декстером Уайтом (США), двумя ключевыми фигурами встречи в Бреттон-Вудсе, как хранитель глобальной ликвидности; эту функцию он должен был выполнять путем мониторинга способности стран-членов поддерживать стабильные обменные курсы.... МБРР (или Всемирный банк), как следует из его названия, был создан для поддержки восстановления разрушенных войной экономик, в особенности восточноевропейских...» [Bello, 2006, p. 36; cf. Cohn, 2008, p. 17].

в переводчиках-посредниках. Однако это заставляет задать важный вопрос: неужели человеческий язык находится в таком культурном вакууме? Вне зависимости от того, является ли ответ на него положительным или отрицательным, логично возникает другой вопрос: как использование английского языка в планировании и внедрении будет влиять на глобальную повестку дня устойчивого развития в ближайшее время, после 2015 г.? В данном коротком исследовании мы уделяем основное внимание поиску ответов на последний вопрос, представляющий собой все более популярную в этой узкоспециализированной литературе тему.

Появление северного дискурса о развитии

Тайные встречи Великобритании и США были не менее интригующими, чем голливудский блокбастер. Обратимся к датам заключения американо-британского соглашения по послевоенным планам развития. Имеется не только упоминание о том, что США и Великобритания проводили «тайную» встречу в начале войны, но и о том, что эта встреча состоялась более чем за три месяца до официального вступления Америки во Вторую мировую войну. Через несколько лет после этого, в 1944 г., в Бреттон-Вудсе состоялась встреча, посвященная разработке и созданию финансовых институтов, которые должны были руководить восстановлением и развитием в послевоенном мире (в особенности в опустошенной в ходе войны Европе) — более чем за год до официального завершения Второй мировой войны. Следует отметить, что эти детали приводятся здесь не для подкрепления конспирологических теорий, а для того, чтобы заострить внимание на значимости повсеместного присутствия Великобритании и США в разработке рекомендаций, дизайна, а также во внедрении этого северного плана («западного» в старой дихотомии «Восток — Запад») в послевоенном мире — с английским языком в качестве основного средства коммуникаций.

Интересно, но, возможно, не удивительно, что после Второй мировой войны этому плану выражал поддержку не кто иной как президент США Гарри Трумэн, который отметил в своем громком заявлении, что «...американская система должна стать мировой системой»³. Исходя из этого сильного довода в 1947 г. Государственный секретарь США Джордж К. Маршалл выступил перед выпускниками Гарвардского университета со следующим призывом к восстановлению разрушенной войной Европы:

Суть дела заключается в том, что потребности Европы в импортных — в особенности американских — продуктах питания и прочих товарах первой необходимости на ближайшие три или четыре года настолько превосходят ее текущую способность платить, что ей необходима существенная дополнительная поддержка, в противном случае ей придется столкнуться с дальнейшим серьезным ухудшением экономической, социальной и политической ситуации... Меры выхода из данной ситуации заключаются в восстановлении уверенности жителей Европы в экономическом будущем их собственных стран и Европы в целом... США следует поддержать возвращение мира к нормальному экономическому здоровью, без ко-

³ «Всеми миру следует внедрить американскую систему. Американская система способна выжить в Америке лишь в том случае, если она станет мировой системой» (президент Гарри Трумэн, 1947 г., цит. по: [Pieterse 2004, p. 131]) [Phillipson, 2008, p. 1]. Согласно интересному комментарию к этому заявлению президента Трумэна, «развитие началось в этот момент спокойствия и надежды, а не в гегемонистской повестке дня президента США Трумэна, хотя полностью отделить одно от другого невозможно» [Kiri, Ufford Van, 2004, p. 11]. Несмотря на то, что Кири и Ван Уффорд преуменьшают значение повестки дня Трумэна, их комментарий не хватает яркости эмоционального заявления Трумэна.

того не может быть политической стабильности и гарантий мира [Marshall, 1947] (цит. по: [Magid, 2012, p. 2]).

Это позволяет пролить свет на основные предпосылки современного северного дискурса о развитии – даже 70 лет спустя. С этой точки зрения, если бы не было восстановления Европы, не было бы быстрого возвращения к «нормальной экономической стабильности в мире». Поскольку Америка и Великобритания были благодарны Северо-Западной Европе за борьбу с фашистской Германией, в этот период истории американский Конгресс легко одобрил План Маршалла вместе с проведением прочих Бреттон-Вудских интервенций.

План Маршалла, неолиберализм и глобализация

Несмотря на то, что план Маршалла являлся грандиозным по масштабам перестройки европейских экономик, его следует признать недальновидным с точки зрения выполнения своего мандата без формирования чрезмерных рисков для послевоенной американской экономики [Magid, 2012, p. 3–4]. Тем не менее в соответствии с законом, который ввел в действие План Маршалла и создал Агентство европейского сотрудничества, американские частные компании могли получать прямые приглашения к участию в работах по восстановлению. Во время войны частные американские компании могли быть задействованы в отраслях военного времени – в проведении НИОКР, а также в производстве, однако, в соответствии с этим законом,

американские бизнесмены продавали свои товары напрямую иностранным компаниям, используя офис Агентства европейского сотрудничества в Вашингтоне... Тем не менее бизнес неохотно вовлекался в прямые иностранные инвестиции в Европу из-за опасений, что он не сможет получить доход в долларовом выражении. Поэтому Агентство европейского сотрудничества также функционировало как гарант конвертируемости европейских валют в доллар до тех пор, пока эти инвестиции считались важными для восстановления Европы ... [Magid, 2012, p. 4].

Таким образом, начались отношения, если не брак, между американскими компаниями (многие из них позже стали транснациональными корпорациями) и американским правительством, что помогло президенту Трумэну реализовать его мечту о превращении «американской системы» в мировую. Это, наряду с другими сдерживающими факторами, помогло появиться на свет концепции неолиберализма [Cohn, 2008, p. 77] и инструменту ее экспансии – глобализации⁴.

Как в таком случае зарождался неолиберализм и его последующий выход в мир, в глобализованную систему, повлияли на методы предложения помощи наименее развитым странам Юга со стороны Севера? Бреттон-Вудские институты использовались для предоставления кредитов и прочих видов помощи наименее развитым странам для развития экономики от масштаба. Однако наименее развитые страны проводили работу, направленную на применение более либеральной экономической политики, ко-

⁴ «Глобализация не является инклюзивной или прогрессивной формой интернационализма. Скорее, она представляет собой успешную экспансию конкретных местных особенностей социальной, экономической и политической организации неолиберального и капиталистического характера в мировом масштабе. Совокупность материальных и идеологических элементов, которые создают возможности для этой экспансии, делают глобализацию главным процессом. Также глобализация не создает и не продвигает экономическую свободу, возможности и выбор на всех уровнях; глобализация скорее родственна монокультуре идей, политики и экономических моделей» [Guttal, 2010, p. 76–77].

торая позволяла бы другим компаниям (а именно американским корпорациям) предлагать свои товары и услуги наряду с местным бизнесом. Под видом дружественной конкуренции с целью стимулирования развития рынков крупные корпорации начали подрывать позиции малых местных предприятий и вытеснять их с рынка. По мере того как МВФ и Всемирный банк требовали возвращения кредитов, приходилось распродавать бизнес, что создавало парадоксальную ситуацию, при которой неолиберальная глобализация способствовала развитию наименее развитых стран [Korten et al., 2002, p. 5]. По мере распространения этой системы в 1980-е годы при правительстве Тэтчер и администрации Рейгана

глобализация рынков стала связана с новой общественно-экономической формацией, а именно с появлением транснационального слоя исполнительных директоров мультинациональных компаний, международных консультантов, а также экспертов по развитию... Люди из этого слоя говорят на жаргонизированном международном английском языке, проводят длительное время в самолетах и за компьютерами, живут в международных отелях и им свойственны схожие стили жизни. В действительности... эффективность экспертов по развитию (которые являются частью этого слоя) снижается по мере того, как они теряют контакты с местной культурой [Evers, 2004, p. 211–212].

Как эксперты по развитию ощущали себя в этом новом социальном слое, осуществляя коммуникации на жаргонизированном английском языке? Для понимания этого требуется более глубокое изучение вопроса.

Английский язык и дискурс о развитии

Два союзника во Второй мировой войне, США и Великобритания, использовали английский язык как основное средство коммуникации. Когда третий союзник, СССР, начал свой собственный дискурс (Советский блок и Организация Варшавского договора), появилась западная диалектика первого мира и восточная диалектика второго мира, и английский язык окончательно утвердился в качестве лингва франка западной (северной) парадигмы. Только по этой причине с 1945 г. по настоящее время большинство значимых работ, относящихся к литературе о северном развитии, выходили на английском языке, хотя и со специализированным лексиконом.

Дискурс о развитии является процессом формулирования знаний и силы, на основе которых создаются и воссоздаются концепции, теории и практики социальных изменений... В 1990-е годы к дискурсу о развитии было привлечено много внимания, которое было основано на критических подходах к исследованиям коммуникаций развития. В исследованиях, посвященных дискурсу о развитии, доминирующие модели развития часто рассматриваются как очень конкурентная сфера, в которой доминирующие группы пытаются получить контроль над социально отчужденными группами людей... В работах, посвященных дискурсу о развитии, часто исследуется стратегическое коммуникационное вмешательство институтов развития на предмет социальных изменений с точки зрения созданных проблем и решений... [Young-Gil, 2008].

Таким образом, английский язык являлся «стратегической коммуникативной интервенцией» не только для коммуникаций между разработчиками и теми, кто желал получить помощь, но также и при разработке концепций и планировании программ развития. Учитывая эту специализацию и наблюдения за государственными и деловыми силами в сфере неолиберализма и глобализации, некоторые специалисты по

развитию высказывали обеспокоенность тем, что представители наименее развитых стран-реципиентов недостаточно свободно владели так называемым «языком развития, специфическим диалектом английского языка» [Eade, 2010, p. viii]⁵.

Почему возникла эта обеспокоенность? Исследователи направления «английский язык как международный» [Modiano, 2001, p. 339] заостряют внимание на прагматичных, универсальных выгодах английского языка: «Английский язык в настоящее время расценивается как главный международный язык. В результате в настоящее время чаще практикуется обмен между людьми, которые не являются носителями английского языка, чем между носителями и неносителями. Таким образом, можно утверждать, что английский язык больше не принадлежит какой-либо конкретной группе людей» [Rajasekhar, 2012, p. 114]. Английский язык становится таким распространенным, что уже «тот, кто потенциально владеет английским языком... будет определять то, какую культуру ему следует выражать, а не язык или его носители. На самом деле, нелогично или безосновательно ожидать, что изучающие английский язык откажутся от своей культуры и примут культуру изучаемого языка или его носителей» [Aliakbari, 2002, p. 6]. Эта точка зрения вновь и вновь встречается в литературе направления «английский язык как международный» [Aliakbari, 2002; Crystal, 2003; Modiano, 2001; Nunn, 2005; Rajasekhar, 2012; Yano, 2006] и звучит оптимистично⁶.

Несмотря на оптимизм, эта точка зрения не учитывает тот факт, что «и язык, и культура вносят свой вклад в наше понимание и того, и другого» [Shaw, 1988, p. 25]; иными словами, язык не функционирует в культурном вакууме. Хотя представителю наименее развитой страны, возможно, проще думать и осуществлять коммуникации на простом разговорном английском языке (например, отправлять электронные письма или общаться в чатах в Интернете на английском языке), интенсивный мыслительный процесс или совершенство в жаргонизированном «языке развития» оказывает влияние на почитаемые традиционные взгляды и обычаи. Недавно Андерсон [Anderson, 2014] осветил этот вопрос в своей монографии, в которой он провел анализ «хаотичных сигналов, которые побуждают людей к принятию решений о том, кто они» [Ibid, p. 8]. В последней главе о «глобальном Юге» [Ibid, p. 167f] Андерсон размышляет о том, учитывается ли в европейском колониальном дискурсе «случайный и скудный след» демократии [Ibid, p. 6], с вытекающей из него идеей развития. В то время как некоторые исследователи, такие как Андерсон, не верят в то, что развитие (в контексте демократии) «возможно» где угодно и везде [Anderson, 2007, p. 33–34], в англоязычной среде эти концепции нагружаются многочисленными слоями значений. В самом деле, интерпретация того, каким представляет себе представитель наименее развитой страны дискурс о развитии в своей стране, может существенно отличаться от представлений других заинтересованных лиц, находящихся с ним за одним дискуссионным столом:

⁵ «Концепции и язык международного развития определяются культурной ментальностью двусторонних или многосторонних донорских агентств... Интеллектуальный вклад и культура стран — реципиентов помощи, даже тех, в которых английский язык является языком высшего образования... в лучшем случае находят реализацию лишь в текстовых окнах влиятельных докладов, публикуемых Всемирным банком и прочими специализированными агентствами ООН...» [Eade in Cornwall & Eade, 2010, p. vii].

⁶ «Языки и культуры, носителями которых являются местные сообщества, становятся гомогенизированными, согласно Редману [Redman, 2002], который утверждает, что «английский язык наводит мосты между народами и культурами. Он не принадлежит Великобритании или США: теперь он принадлежит каждому» [Ibid, p. 45]. В конечном итоге это может означать, что каждый имеет отношение к английскому языку, и другие языки и культурные практики исчезают и оказываются потерянными навсегда» [Burnett, 2004; Arnold, 2006, p. 3]. Допущение того, что «другие языки и культурные практики... оказываются потерянными навсегда», делает это утверждение менее позитивным.

«В то время как один предполагает, что развитие отличается более высокими доходами жителей аграрных регионов, другой связывает развитие с более благоприятным инвестиционным климатом для транснациональных компаний и, как следствие, с ростом занятости и экономическим ростом, третий — с устойчивым использованием ресурсов, четвертый — с более высоким качеством медицинских услуг для матерей и детей, пятый — с экономическим и культурным империализмом, а шестой — с возможностью зарабатывать на жизнь в сфере предоставления помощи развитию. Развитие по-разному понимается разными людьми» [Ziai, 2013, p. 132–133].

Таким образом, из-за этой путаницы и смятения были проведены консультации, результатом которых стало появление книги Корнуолла и Ида. Этот обмен мнениями состоялся для того, чтобы решить проблему широкого использования «жаргонных профессиональных и научных англоязычных терминов» [Cornwall, 2010, p. 1] в северном дискурсе о развитии. Действительно, одним из очевидных условий получения помощи со стороны Севера является согласие на этот особый лексикон.

[Такие специализированные англоязычные термины], близкие к основному руслу значительной части дискурса о развитии, в последние два десятилетия включали в себя: ответственность, возможности, гражданское общество, потребитель, децентрализация, демократия, депривация, многообразие, предоставление полномочий, предоставление прав, окружающая среда, пол, глобализация, управление, права человека, источник дохода, рынок, собственность, участие, партнерство, плюрализм, процесс, заинтересованное лицо, устойчивость, прозрачность, незащищенность, благополучие [Chambers, 2004, p. 3].

Прочие выявленные английские слова и фразы включали в себя: «потребности», «население» и «планирование» [Escobar, 1997, p. 503]; «мелкие фермеры» [Edelman, Naugerud, 2005, p. 43]; «наращивание потенциала» и «ориентация на достижение результатов» [Leal, 2007, p. 539]. В то время как некоторые из этих слов и фраз могут появиться в кроссворде в любой ежедневной газете, тот факт, что они открыто используются в северном дискурсе о развитии, означает следующее: их определения более широки, чем те, что можно найти в обычных словарях. И, как было отмечено в [Ziai, 2013] выше, интерпретация таких специализированных терминов предполагает разные значения для разных заинтересованных лиц.

Дискурс о развитии и парадигма, в которой доминирует английский язык

Несмотря на то, что английские слова производят впечатление нейтральных и практических, при их употреблении в определенных контекстных ситуациях могут возникать идеи и концепции, несущие в себе культурное и политическое значение. Это признает Раджасекхар [Rajasekhar, 2012, p. 116], цитируя Кристала [Crystal, 2003, p. xii], который утверждает, что «изменения были очень быстрыми. В 1950-е годы любое представление об английском языке как о настоящем мировом языке являлось лишь смутной, призрачной теоретической возможностью... Но прошло 50 лет, и английский язык стал частью политической и культурной реальности...». Другие исследователи направления «английский язык как международный» выступали с аналогичными высказываниями в отношении «культурной реальности» английского языка [Aliakbari, 2002, p. 2; Yano, 2006, p. 2]. Отсюда вытекают черты профессионального жаргона: «Лишь небольшое число слов, используемых в дискурсе о развитии, в котором доминирует английский язык, допускают перевод на другие языки: многие из них начинают использоваться в других языках

как заимствованные слова, их значения становятся еще более связанными с внешними агентствами, которые делают обязательным их использование в предложениях, принципах проведения политики, стратегиях и отчетах» [Cornwall, 2010, p. 4].

Северный дискурс о развитии, таким образом, управляется не только английским языком ООН и Бреттон-Вудских институтов, но он также проникает в философию и практику западного (северного) модернизма. Таким образом, «стандарты и критерии развития приходят из западных экономик, западной политики, западных технологий, западного стиля жизни. Это часто происходит вне зависимости от того, являются ли высокопоставленные чиновники жителями западных стран или нет... [Они] почти всегда прошли обучение в соответствии с западными стандартами, часто в западных институтах, и они впитали в себя западные ценности...» [Bergerman, 1994, p. 8].

Наследие британской и американской промышленных революций и убеждение в том, что наука и технологический прогресс вносят вклад в модернизацию мира, являются первостепенными в этой парадигме, где доминирует английский язык. Казалось бы, в литературе обсуждается абсурдный вопрос «Требуется ли модернизация вестернизации?» [Lal, 2000], однако эта дискуссия находится за пределами данного исследования. В целях нашего исследования, напротив, учитывается то, что северный дискурс о развитии может способствовать принятию концепции, согласно которой наименее развитые страны в некоторой степени являются отстающими и нуждаются в той или иной помощи развитию для «достижения» того, что может предложить «модернизационный проект»:

Подразумевалось создание новых взглядов на ценность и практическое использование местных традиций: таким образом, политика предоставления помощи и модели планирования промышленных стран, продвигаемые международными организациями и подкрепленные академическими исследованиями, были нацелены на идентификацию и искоренение различных «традиционных» культурных и институциональных препятствий, которые, как предполагалось, замедляли «прогресс». В результате была установлена и легитимизирована «девелопменталистская» взаимосвязь с традициями третьего мира [Arce, Long, 2000, p. 5].

В таком случае представители наименее развитых стран не только вынуждены говорить и думать на английском языке во время совещаний заинтересованных сторон, но им также приходится перестраивать свое «традиционное» мышление, «часто считающееся связанным с психологическими или культурными установками, которые в некотором смысле являются отсталыми и препятствующими движению людей к современности» [Crewe, Harrison, 1998, p. 43]. Таким образом, этот жаргонизированный английский язык становится двойным преимуществом: во-первых, как средство коммуникации дискурса о развитии (хотя язык является иностранным); во-вторых, как иностранный культурный процесс мышления. Это перекликается с беспокойством Шульцке [Schulzke, 2014] о том, что, несмотря на очевидные преимущества английского языка, многое связано с вопросом, на который пока нет ответа: «...является ли несправедливым ставить в невыгодное положение тех, кто изучает английский язык в качестве второго языка, и будет ли доминирование английского языка считаться легитимным среди тех, для кого он не является родным» [Ibid, p. 225]. Частью этих размышлений о легитимности является принятие «демократии» в том смысле, в котором она понимается в северном дискурсе⁷. На этом мы переходим к следующему разделу.

⁷ «В наши дни язык демократии доминирует в кругах специалистов по развитию. На национальном уровне это заметно по риторике вокруг «гражданского общества» и «хорошего управления».

«Мир, безопасный для демократии» – чьей демократии?

В северной парадигме развития демократия противопоставлялась коммунизму стран социалистического блока и Варшавского договора до падения Берлинской стены в 1989 г. Наименее развитые страны, делая выбор в пользу экономической и политической свободы северной «демократии», выбирали помощь и согласие на Бреттон-Вудские принципы и меры. Эти страны получили «политику импортозамещающей индустриализации» в 1950–1960-е годы, «экспортноориентированную модель роста» в 1970-е годы, «программы структурной перестройки» в 1980-е и 1990-е годы [Cohn, 2008, p. 214, 346, 347].

В то же время наименее развитые страны охотно экспериментировали с совместным участием в местных проектах развития, предоставляя наименее развитым странам возможность высказать свою точку зрения и получить более существенное представление о демократии в местной среде. «Парадигма участия является следствием освободительной педагогики Паулу Фрейре... и ее главной целью было не развитие – или “искоренение бедности”, – а трансформация культурной, политической и экономической структур, которые воспроизводят бедность и маргинальность» [Leal, 2007, p. 540]. Этим реципиентам нравились качества американской и британской демократии, однако они не обязательно желали ее тиражирования северными носителями английского языка.

Приведем пример из White [1996, p. 6]:

Лидеры неправительственных организаций Бангладеш находятся перед дилеммой. Они недовольны новым планом государственных агентств. Ни социальным вопросам, ни проблемам окружающей среды не было уделено то внимание, которого они заслуживают. Как это случается все чаще и чаще, они были приглашены на встречу для обсуждения плана. Сначала они были польщены официальным признанием, однако затем оказались в непростой ситуации. Если они не посетят эту встречу, у них не будет оснований для жалоб на то, что интересы бедных были проигнорированы. Однако если они посетят встречу, то какие у них есть гарантии того, что их проблемы действительно будут услышаны? Слишком много раз эти дискуссии ни к чему не приводили. Планы остаются планами; но их имена [т.е. имена лидеров неправительственных организаций] сохраняются в списке «экспертов», мнения которых отражены в схеме.

В этот момент интерпретации «демократии» северными и южными заинтересованными сторонами расходятся. Поскольку данное слово имеет множество значений и интерпретаций, следует осознавать, что оно имеет разное значение для тех, кто оказывает помощь развитию, и тех, кто ее получает. В то время как местная, массовая интерпретация демократии чаще всего включает в себя непосредственный, прямой контакт с населением, которое вовлечено в процесс и подвержено его влиянию, из-за того, что северный дискурс не просто «освобождает образ демократии от ограничений, наложенных “большой наукой”, государством и [северным] развитием, возникает непонимание» [Visvanathan, 2003, p. 239]. В самом деле, многие другие фразы, слова и термины, присутствующие в лексиконе языка развития, также кажутся потерянными при переводе.

Яркой иллюстрацией этого является инициатива МВФ по внедрению программ структурной перестройки в наименее развитых странах-реципиентах, в особенности

На уровне программ и проектов это похоже на обязательство «участия». Об этом заявляют самые разные агентства, от огромных многосторонних до самых маленьких организаций» [White, 1996, p. 6].

в 1980-е и 1990-е годы⁸. Реализация этих инициатив (в странах начиная с Венесуэлы в Латинской Америке и заканчивая Нигерией в Африке) приводила к восстаниям, всеобщим забастовкам и прочим актам насилия [Leal, 2007, p. 540]. Однако в то время как местные власти наименее развитых стран пытались противостоять действиям Всемирного банка по принципу «сверху вниз», которые подразумевали коллективное участие во внедрении программы развития,

Банк занял популистскую позицию... Новая риторика приняла псевдополитический смысл в предположении, что «кризис управления» во многих странах обусловлен «присвоением государственной машины элитой для обслуживания своих интересов», и эта риторика зашла так далеко, что стала включать в себя утверждения, согласно которым «глубокий политический кризис тормозит действия в большинстве стран»... На первый взгляд, можно сделать наивный вывод, что логическим следствием является призыв к предоставлению людям возможности борьбы с существующим тяжелым положением дел через повышение участия в политической деятельности. Тем не менее действительные намерения были немногими. Определив плохое государство в качестве виновного, Всемирный банк не защищал популярное правительство, а, скорее, создавал популистское оправдание вытеснению государства из экономики и замене его рынком [Leal, 2007, p. 542].

Приведенный комментарий несет в себе оттенок «конца оправдания средств». Однако это не является необычным, учитывая работу неолиберальной Бреттон-Вудской машины в пределах своего мандата, а также учитывая лексикон ее жаргонизированного английского языка. Неолиберальные адвокаты глобализации не менее щедры в своих попытках распространения принципов демократии и свободы [Galeota, 2004, p. 22], однако действительно ли они резонируют с наименее развитыми странами-реципиентами, которые скорее желают составить эти принципы на своих условиях?

Последний вопрос перекликается с вопросом Крю и Харрисона, который содержится в их основополагающей работе «Чье развитие?» [Stewe, Harrison, 1998]. Их вопрос провоцирует дальнейшие вопросы, относящиеся к этому исследованию: чья демократия? и в чьей интерпретации? что будет считаться действительно допустимым в процессе развития обеими сторонами (донора и реципиента)? Вне зависимости от аргументов исследователей направления «английский язык как международный», тот факт, что английский язык является основным средством коммуникаций, по сути, ограничивает тех, чей первый (или даже второй) язык не является английским. «Там, где английский язык не является основным языком образовательных учреждений, и тем более не является языком, на котором осуществляет коммуникации большинство людей, отчужденность является еще более существенной. Например, Майк Поуэлл сообщает о том, что в Западной Африке можно найти билингвальных, регионально ориентированных специалистов по развитию, которые борются за интерпретацию и примирение очень разных дискурсов о развитии, произошедших из англо-северных и франкофонных интеллектуальных традиций [Powell, 2006, p. 523]» [Eade, 2010, p. vii]. Основной причиной этого является содержание самого лексикона языка развития: «Как предполагала Фиона Уильсон, язык развития является гибридом, а не языком социальных наук, а также не “живым” английским языком; его «словарь ограничен, банален и не предполагает индивидуализации». Его «основополагающей задачей», как она отмечает, является «не просто обнаружение или сохранение недвусмысленности,

⁸ Упоминание данной специфики парадигмы северного развития предполагает знание литературы. Для тех, кому требуется краткий обзор, рекомендуется обратиться или к [Cohn, 2008, p. 324–357], или к [Willis, 2011, p. 1–35].

но также посредничество в интересах достижения политического консенсуса, и в то же время допущение существования нескольких внутренних повесток дня» [Wilson, 1992, p. 10] (цит. по: [Cornwall, 2010, p. 5]).

Где в таком случае находится «демократия», когда используемые средства языка остаются непонятыми обеими сторонами в полной мере? Чье определение демократии является стандартным? Если проводить черту между северной и южной интерпретациями, то следует отметить, что существуют важные доказательства того, что Бреттон-Вудские институты менее заинтересованы в представительной демократии и более заинтересованы в коллективном исполнении⁹. Ввиду этого неудивительно следующее [Rajasekhar, 2012, p. 117]:

Те, кто занимается продвижением английского языка, — такие организации, как Британский Совет, Международный валютный фонд и Всемирный банк, а также отдельные лица, такие как владельцы школ английского языка, — используют три вида аргументов. Внутренние аргументы характеризуют английский язык как предопределенный, богатый, благородный и интересный. Такие аргументы, как правило, декларируют то, чем является английский язык и чем не являются другие языки. Внешние аргументы делают акцент на том, что английский язык занимает прочное положение, на нем говорит большое число людей, имеется большое число подготовленных учителей и большой объем учебных материалов. Функциональные аргументы делают акцент на пригодности английского языка в качестве окна в мир.

Еще один покровитель направления исследований «английский язык как международный» [Yano, 2006] утверждает, что такие «функциональные аргументы» «беспольности английского языка» являются признаком беспрепятственного распространения английского языка — более того, демократии — как общего средства.

Лидерство США в экономической, технологической и культурной глобализации сделало английский язык наиболее широко используемым языком в мире, но в то же время его всемирное распространение привело к деанглоамериканизации языка. В настоящее время примерно в 80% случаев английский язык используется теми, для кого он не является родным, кто использует его как лингва франка, и эта тенденция будет развиваться, так как численность англоговорящих индивидов в широком кругу намного превышает численность англоговорящих индивидов во внутреннем и внешнем кругах. Это означает, что английскому языку необходимо сохранять свою международную доступность, несмотря на его локализацию и последующую диверсификацию... [Ibid, p. 4].

Это, тем не менее, обязательно вызывает следующий вопрос: если «международная доступность» английского языка должна была сделать его локально непонятным (как следует из примеров неправильной интерпретации языка развития), то как это может способствовать мотивации к разработке локальных инициатив в сфере развития в наименее развитых странах? Данная мысль содержится в работе Шульцке [Schulzke, 2014] и является его главным вкладом в развитие этой дискуссии: в конечном счете дело не столько в использовании английского языка (в особенности, если говорить о наименее развитых странах); важнее то, как используется английский язык в жаргонизированной форме. Как такое использование английского языка способствует или препятствует развитию этого дискурса и его взаимному пониманию с обеих сторон?

⁹ Такое перечисление литературы способно само по себе занять достаточно много места. Однако заинтересованный читатель может начать с любой из ссылок, приведенных в конце каждой главы книги [Cornwall, Eade, 2010].

Слабеющее «устойчивое развитие» в северном дискурсе?

Обозначенные выше проблемы в конечном итоге заставляют сосредотачиваться на устойчивом развитии в дискурсе о развитии. Действительно, понятность планирования и внедрения механизмов развития с обеих сторон является необходимым условием для проведения командной работы и успеха заявленных инициатив. Как уже было отмечено (в цитате Чемберса), английское слово «устойчивость» (и близкое ему понятие «устойчивое развитие»), присутствует в лексиконе языка развития. Учитывая уже приведенные в данной работе аргументы, что следует сказать об этих понятиях — устойчивость и устойчивое развитие, которые разъясняются и повторно разъясняются одной стороной дискурса о развитии для другой стороны? Какое направление обретет «устойчивое развитие» после 2015 г.?

Если говорить о более привычном понятии «устойчивое развитие», состоящем из двух слов, то интересно заметить, что это понятие представляет собой оксюморон, в котором наименее развитые страны-реципиенты задаются вопросом о двусмысленном характере понятия «устойчивое развитие», выработанного в рамках Бреттон-Вудских соглашений:

Изначальная повестка дня развивающихся стран, включавшая в себя либерализацию торговли, списание задолженностей, снижение бедности, а также увеличение помощи развитию, была сосредоточена на развитии. Их повестка дня расходилась с повесткой дня развитых стран, сосредоточенной на проблемах охраны окружающей среды, таких как изменение климата, потеря биоразнообразия, уничтожение лесов, снижение объема мировых морских рыбных ресурсов. Конечно, заботы об экономике всегда доминировали....

Институты, которые управляют глобальной экономикой, — Бреттон-Вудские институты, Всемирная торговая организация (ВТО), «Группа восьми» и, все в большей степени, «Группа двадцати» — являются более сильными, чем те, которые продвигают социальное равенство, ликвидацию бедности и сотрудничество в сфере охраны окружающей среды [Halle, 2002]. Идея устойчивого развития забуковала после выхода доклада Брутланда и саммита в Рио-де-Жанейро из-за доминирования проблем экономического роста в повестке дня [Drexhage, Murphy, 2010, p. 16–17, 18].

Несмотря на то, что последнее утверждение практически не оставляет надежды, некоторые авторы продолжают надеяться на перспективы устойчивого развития, в особенности учитывая то, что оно защищает повестку дня по изменению климата.

Итак, что можно сказать о будущем? Станет ли устойчивость объединяющей концепцией XXI в., как многие смело утверждали всего лишь несколько лет назад? Учитывая, что изменение климата и прочие риски, связанные с переменами в состоянии окружающей среды, будь то эпидемия или изменение биоразнообразия, в настоящее время при разработке экономических стратегий и при планировании рассматриваются как основные, и существуют определенные возможности появления новых способов включения задач устойчивости в политический дискурс и в практику.

Можно ли... укрепить и переосмыслить в свете новых вызовов [устойчивое развитие], или его следует списать и заменить чем-то другим? По крайней мере, на мой взгляд, устойчивость — и более широкая повестка дня, которая строится на ее основе, сохранятся [Scoones, 2010, p. 160].

Несмотря на высказанный выше оптимизм, еще неизвестно как северные доноры и южные реципиенты смогут понимать друг друга и продолжать продуктивную совместную работу в современном дискурсе о развитии. Цель этого обзора литературы,

таким образом, заключалась в предупреждении читателей о вездесущности жаргонизированного английского языка, включающего в себя лексикон языка развития, на котором осуществлялось планирование и внедрение механизмов северного развития в течение последних 70 лет. В данной работе автор, скорее, приводит доказательства, чем выносит предписания, для того чтобы последователи могли использовать эту информацию для разработки глобальной повестки дня устойчивого развития на период после 2015 г., а также для лучшего понимания между всеми будущими заинтересованными сторонами.

Литература

- Aliakbari M. (2002) *Linguistic Imperialism, Linguistic Democracy and English Language Teaching*. Brisbane: Griffith University, Center for Applied Linguistics and Languages (unpublished).
- Anderson R.D., Jr. (2007) *Discourse and the Export of Democracy* // *Stair*. No. 2 (2). P. 19–35.
- Anderson R.D., Jr. (2014) *Discourse, Dictators and Democrats: Russia's Place in a Global Process*. L.: Ashgate Publishing Ltd.
- Arce A., Long N. (eds) (2000) *Anthropology, Development and Modernities: Exploring Discourses, Counter-tendencies and Violence*. L.: Routledge.
- Arnold J. (2006) *Some Social and Cultural Issues of English as the Global Language: Everything is Changing, Everything is Going, Going, Gone Now* // *Electronic Magazine of Multicultural Education*. No. 8 (1). P. 1–11. Режим доступа: <http://www.eastern.edu/publications/emme/2006spring/arnold.pdf> (дата обращения: 09.02.2015).
- Bello W. (2006) *Deglobalization: Ideas for a New World Economy (Philippine edition)*. Manila: Ateneo de Manila University Press.
- Berremán G. (1994) *Anthropology, Development and Public Policy* // *Occasional Papers in Sociology and Anthropology*. No. 4. P. 3–32.
- Bieberly C.J. (2008) *Television Commercials as a Window on American Culture for Teaching Adult English as a Second Language Students*. Kansas State University.
- Burnett R. (2004) *Critical Approaches to Culture, Communications + Hypermedia: Postmodern Media Communities*. Vancouver: Emily Carr University of Art & Design. Режим доступа: <http://www.eciad.bc.ca/~rburnett/Bas.htm> (дата обращения: 09.02.2015).
- Chambers R. (2004) *Ideas for Development: Reflecting Forwards (IDS working paper 238)*. Brighton: Institute of Development Studies.
- Cohn T.H. (2008) *Global Political Economy: Theory and Practice (Fourth edition)*. N. Y.: Pearson / Longman.
- Cornwall A., Eade D. (eds) (2010) *Deconstructing Development Discourse: Buzzwords and Fuzzwords*. Warwickshire: Practical Action Publishing Ltd. P. 1–18.
- Cornwall A. (2010) *Introductory Overview – Buzzwords and Fuzzwords: Deconstructing Development Discourse* // *Deconstructing Development Discourse: Buzzwords and Fuzzwords* (eds. A. Cornwall and D. Eade). Warwickshire: Practical Action Publishing Ltd.
- Crewe E., Harrison E. (1998) *Whose Development? An Ethnography of Aid*. L.: Zed Books.
- Crystal D. (2003) *English as a Global Language (Second edition)*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Drexhage J., Murphy D. (2010) *Sustainable Development: From Brundtland to Rio 2012*. N. Y.: United Nations. Режим доступа: http://www.un.org/.../docs/GSP1-6_Background on Sustainable Devt.pdf (дата обращения: 13.04.2015).
- Eade D. (2010) *Preface* // *Deconstructing Development Discourse: Buzzwords and Fuzzwords* / A. Cornwall, D. Eade (eds). Warwickshire: Practical Action Publishing Ltd.

- Edelman M., Haugerud A. (2005) Introduction: the Anthropology of Development and Globalization // *The Anthropology of Development and Globalization: from Classical Political Economy to Contemporary Neoliberalism* / M. Edelman, A. Haugerud (eds). Victoria: Blackwell Publishing Ltd. P. 1–74.
- Evers H.D. (2004) The Global Context of Development Anthropology: Social and Cultural Dimensions of Market Expansion // *Development Anthropology: beyond Economics* / Y. Kikuchi (ed.). Quezon City: New Day Publishers. P. 204–218.
- Escobar A. (1997) Anthropology and Development // *International Social Science Journal*. No. 54. P. 497–515.
- Galeota J. (2004) Cultural Imperialism: an American Tradition // *The Humanist*. May – June. P. 22–24, 46.
- Guttal S. (2010) Globalisation // *Deconstructing Development Discourse: Buzzwords and Fuzzwords* / A. Cornwall, D. Eade (eds). Warwickshire: Practical Action Publishing Ltd. P. 69–79.
- Halle M. (2002) Sustainable Development Cools off: Globalization Demands Summit Take New Approach to Meeting Ecological, Social Goals. Режим доступа: http://www.iisd.org/pdf/2002/commentary_trade_1.pdf (дата обращения: 13.04.2015).
- Kiri A., Van Ufford P.Q. (2004) A Moral Critique of Development: Ethics, Aesthetics and Responsibility. Working paper. No. 128. Aalborg: Aalborg University – Institute for History, International and Social Studies.
- Korten D.C., Perlas N., Shiva V. (2002) Global Civil Society: the Path Ahead. Режим доступа: http://www.cadi.ph/Features/Global_CS_Path_Ahead_Main.htm (дата обращения: 8.10.2008).
- Lal D. (2000) Does Modernization Require Westernization? // *The Independent Review*. No. 5 (1).
- Leal P. (2007) Participation: the Ascendancy of a Buzzword in the Neo-liberal Era // *Development in Practice*. No. 17 (4–5). P. 539–548 (doi: 10.1080/09614520701469518).
- Marshall G. (1947) Commencement Speech. Cambridge: Harvard University.
- Magid J. (2012) The Marshall Plan // *Advances in Historical Studies*. No. 1 (1). P. 1–7 (doi: 10.4236/ahs.2012.11001).
- Modiano M. (2001) Linguistic Imperialism, Cultural Integrity, and EIL // *ELT Journal*. No. 55(4). P. 339–346.
- Morton H.V. (1943) *Atlantic Meeting*. L.: Methuen.
- Nunn R. (2005) Competence and Teaching English as an International Language // *Asian EFL Journal*. No. 7 (3). P. 61–74.
- Phillipson R. (2008) The Linguistic Imperialism of Neoliberal Empire // *Critical Inquiry in Language Studies*. No. 5 (1). P. 1–43.
- Powell M. (2006) Which Knowledge? Whose Reality? An Overview of Knowledge Used in the Development Sector // *Development in Practice*. No. 16 (6). P. 518–532.
- Rajasekhar G. (2012) Colonialism and Imperialism and its Impact on English Language // *Asian Journal of Multidimensional Research*. No. 1 (4). P. 111–120.
- Redman C. (2002) Wanna Speak English? // *Time*. 24 June. P. 45.
- Schulzke M. (2014) The Prospects of Global English as an Inclusive Language // *Globalizations*. No 11 (2). P. 225–238 (doi: 10.1080/14747731.2014.904173).
- Scoones I. (2010) Sustainability // *Deconstructing Development Discourse: Buzzwords and Fuzzwords* / A. Cornwall, D. Eade (eds). Warwickshire: Practical Action Publishing Ltd. P. 153–162.
- Shaw R.D. (1988) *Transculturation: The Cultural Factor in Translation and Other Communication Tasks*. Pasadena: William Carey Library.
- University of North Carolina (UNC) (2012) How to Write a Literature Review. Chapel Hill: University of North Carolina College of Arts & Sciences-The Writing Center. Режим доступа: <https://writingcenter.unc.edu/files/2012/09/Literature-Reviews-The-Writing-Center.pdf> (дата обращения: 20.06.2015).

Visvanathan S. (2003) Mrs. Brundtland's Disenchanted Cosmos // The Geopolitics Reader / G.O. Tuathail, S. Dalby, P. Routledge (eds). L.: Routledge, P. 237–241.

White S. (1996) Depoliticising Development: the Uses and Abuses of Participation // Development in Practice. No. 6 (1). P. 6–15 (doi: 10.1080/0961452961000157564).

Willis K. (2011) Theories and Practices of Development (Second edition). N. Y.: Routledge.

Wilson F. (1992) Faust: the Developer // CDR Working Paper. No. 92.5.

Yano Y. (2006) Cross-cultural Communication and English as an International Language // Intercultural Communication Studies. XV(3). P. 1–8.

Young-Gil C. (2008) Development Discourse // The International Encyclopedia of Communication / W. Donsbach (ed.). Hoboken: Wiley-Blackwell (doi: 10.1111/b.9781405131995.2008.x).

Ziai A. (2013) The Discourse of “Development” and why the Concept Should be Abandoned // Development in Practice. No. 23 (1). P. 123–136.

The Northern Development Discourse and its Use of English: Implications for a Post-2015 Future

M.S. Williams

Mark S. Williams – Development Anthropologist, Professor of English, School of Foreign Languages, Jiangnan University; 8 Sanjiaohu Road, Hanyang–WEDZ, Wuhan, 430056, China; E-mail: markswilliams59@hotmail.com

Abstract

As World War II came to an end in the mid 1940s with the result that the Allies would prevail, America and Britain began plans for the post-war reconstruction of Europe and for what would become the basis of the Northern development discourse. The planning, deliberation and implementation of such a post-war development network was steeped in English language and thought. Major institutions of the architecture for reconstruction and development formulated at that time – e.g., the International Monetary Fund (IMF) and the International Bank for Reconstruction and Development (now the World Bank) – communicated their programmes and goals almost exclusively in English, and continue to do so. Indeed, as the concept of “development” has formed and progressed in the North over the last 70 years, a specialized variant of English has propagated the literature, the practice and the discourse. Certain development practitioners have scrutinized this, especially in formal discussions and forums held over the last several years. This study continues that scrutiny on the effect that this specialized use of language could have on the shaping of the post-2015 global sustainable development agenda.

Key words: North, English language, discourse, development, sustainable development

References

- Aliakbari M. (2002) *Linguistic Imperialism, Linguistic Democracy and English Language Teaching*. Brisbane: Griffith University, Center for Applied Linguistics and Languages (unpublished).
- Anderson R.D., Jr. (2007) Discourse and the Export of Democracy. *Stair*, no 2 (2), pp. 19–35.
- Anderson R.D., Jr. (2014) *Discourse, Dictators and Democrats: Russia’s Place in a Global Process*. London: Ashgate Publishing Ltd.
- Arce A., Long N. (eds) (2000) *Anthropology, Development and Modernities: Exploring Discourses, Counter-tendencies and Violence*. London: Routledge.
- Arnold J. (2006) Some Social and Cultural Issues of English as the Global Language: Everything is Changing, Everything is Going, Going, Gone Now. *Electronic Magazine of Multicultural Education*, no 8 (1), pp. 1–11. Available at: <http://www.eastern.edu/publications/emme/2006spring/arnold.pdf> (accessed 09 February 2015).
- Bello W. (2006) *Deglobalization: Ideas for a New World Economy* (Philippine edition). Manila: Ateneo de Manila University Press.
- Berremán G. (1994) Anthropology, Development and Public Policy. *Occasional Papers in Sociology and Anthropology*, no 4, pp. 3–32.
- Bieberly C.J. (2008) *Television Commercials as a Window on American Culture for Teaching Adult English as a Second Language Students*. Kansas State University.
- Burnett R. (2004) *Critical Approaches to Culture, Communications + Hypermedia: Postmodern Media Communities*. Vancouver: Emily Carr University of Art & Design. Available at: <http://www.eciad.bc.ca/~rburnett/Bas.htm> (accessed 09 February 2015).

- Chambers R. (2004) *Ideas for Development: Reflecting Forwards* (IDS working paper 238). Brighton: Institute of Development Studies.
- Cohn T.H. (2008) *Global Political Economy: Theory and Practice* (Fourth edition). New York: Pearson / Longman.
- Cornwall A., Eade D. (eds) (2010) *Deconstructing Development Discourse: Buzzwords and Fuzzwords*. Warwickshire: Practical Action Publishing Ltd, pp. 1–18.
- Cornwall A. (2010) Introductory Overview – Buzzwords and Fuzzwords: Deconstructing Development Discourse. *Deconstructing Development Discourse: Buzzwords and Fuzzwords* (eds A. Cornwall and D. Eade). Warwickshire: Practical Action Publishing Ltd.
- Crewe E., Harrison E. (1998) *Whose Development? An Ethnography of Aid*. London: Zed Books.
- Crystal D. (2003) *English as a Global Language* (Second edition). Cambridge: Cambridge University Press.
- Drexhage J., Murphy D. (2010) *Sustainable Development: From Brundtland to Rio 2012*. New York: United Nations. Available at: http://www.un.org/.../docs/GSPI-6_Background on Sustainable Devt.pdf (accessed 13 April 2015).
- Eade D. (2010) Preface. *Deconstructing Development Discourse: Buzzwords and Fuzzwords* (eds A. Cornwall and D. Eade). Warwickshire: Practical Action Publishing Ltd.
- Edelman M., Haugerud A. (2005) Introduction: the Anthropology of Development and Globalization. *The Anthropology of Development and Globalization: from Classical Political Economy to Contemporary Neoliberalism* (eds Edelman M. and Haugerud A.). Victoria: Blackwell Publishing Ltd. P. 1–74.
- Evers H.D. (2004) The Global Context of Development Anthropology: Social and Cultural Dimensions of Market Expansion. *Development Anthropology: beyond Economics* (ed. Y. Kikuchi). Quezon City: New Day Publishers, pp. 204–218.
- Escobar A. (1997) Anthropology and Development. *International Social Science Journal*, no 54, pp. 497–515.
- Galeota J. (2004) Cultural Imperialism: an American Tradition. *The Humanist*, May/June, pp. 22–24, 46.
- Guttal S. (2010) Globalisation. *Deconstructing Development Discourse: Buzzwords and Fuzzwords* (eds A. Cornwall and D. Eade). Warwickshire: Practical Action Publishing Ltd., pp. 69–79.
- Halle M. (2002) *Sustainable Development Cools off: Globalization Demands Summit Take New Approach to Meeting Ecological, Social Goals*. Available at: http://www.iisd.org/pdf/2002/commentary_trade_1.pdf (accessed 13 April 2015).
- Kiri A., Van Ufford P.Q. (2004) *A Moral Critique of Development: Ethics, Aesthetics and Responsibility*. Working paper, no 128. Aalborg: Aalborg University – Institute for History, International and Social Studies.
- Korten D.C., Perlas N., Shiva V. (2002) *Global Civil Society: the Path Ahead*. Available at: http://www.cadi.ph/Features/Global_CS_Path_Ahead_Main.htm (accessed 8 October 2008).
- Lal D. (2000) Does Modernization Require Westernization? *The Independent Review*, no 5 (1).
- Leal P. (2007) Participation: the Ascendancy of a Buzzword in the Neo-liberal Era. *Development in Practice*, no 17 (4–5), pp. 539–548 (doi: 10.1080/09614520701469518).
- Marshall G. (1947) *Commencement Speech*. Cambridge: Harvard University.
- Magid J. (2012) The Marshall Plan. *Advances in Historical Studies*, no 1 (1), pp. 1–7 (doi: 10.4236/ahs.2012.11001).
- Modiano M. (2001) Linguistic Imperialism, Cultural Integrity, and EIL. *ELT Journal*, no 55 (4), pp. 339–346.
- Morton H.V. (1943) *Atlantic Meeting*. London: Methuen.
- Nunn R. (2005) Competence and Teaching English as an International Language. *Asian EFL Journal*, no 7 (3), pp. 61–74.
- Phillipson R. (2008) The Linguistic Imperialism of Neoliberal Empire. *Critical Inquiry in Language Studies*, no 5 (1), pp. 1–43.

- Powell M. (2006) Which Knowledge? Whose Reality? An Overview of Knowledge Used in the Development Sector. *Development in Practice*, no 16 (6), pp. 518–532.
- Rajasekhar G. (2012) Colonialism and Imperialism and its Impact on English Language. *Asian Journal of Multidimensional Research*, no 1 (4), pp. 111–120.
- Redman C. (2002) Wanna Speak English? *Time*, 24 June, p. 45.
- Schulzke M. (2014) The Prospects of Global English as an Inclusive Language. *Globalizations*, no 11 (2), pp. 225–238. doi: 10.1080/14747731.2014.904173.
- Scoones I. (2010) Sustainability. *Deconstructing Development Discourse: Buzzwords and Fuzzwords* (eds A. Cornwall and D. Eade). Warwickshire: Practical Action Publishing Ltd., pp. 153–162.
- Shaw R.D. (1988) *Transculturation: the Cultural Factor in Translation and Other Communication Tasks*. Pasadena: William Carey Library.
- University of North Carolina (UNC) (2012) *How to Write a Literature Review*. Chapel Hill: University of North Carolina College of Arts & Sciences-The Writing Center. Available at: <https://writingcenter.unc.edu/files/2012/09/Literature-Reviews-The-Writing-Center.pdf> (accessed 20 June 2015).
- Visvanathan S. (2003) Mrs. Brundtland's Disenchanted Cosmos. *The Geopolitics Reader* (eds G.O. Tuathail, S. Dalby, and P. Routledge). London: Routledge, pp. 237–241.
- White S. (1996) Depoliticising Development: the Uses and Abuses of Participation. *Development in Practice*, no 6 (1), pp. 6–15 (doi: 10.1080/0961452961000157564).
- Willis K. (2011) *Theories and Practices of Development* (2nd edition). New York: Routledge.
- Wilson F. (1992) Faust: the Developer. *CDR Working Paper*, no 92.5.
- Yano Y. (2006) Cross-cultural Communication and English as an International Language. *Intercultural Communication Studies*, XV (3), pp. 1–8.
- Young-Gil C. (2008) Development Discourse. *The International Encyclopedia of Communication* (ed. W. Donsbach). Hoboken: Wiley-Blackwell (doi: 10.1111/b.9781405131995.2008.x).
- Ziai A. (2013) The Discourse of “Development” and why the Concept Should be Abandoned. *Development in Practice*, no 23 (1), pp. 123–136.